
ЕЛЕНА СОМОВА
ЯВЛЕНИЕ ГАЛАКТИОНА
РАССКАЗЫ
18+

Елена Сомова

Явление Галактиона

«Автор»
2025

Сомова Е.

Явление Галактиона / Е. Сомова — «Автор», 2025

Елена Сомова - лауреат литературной премии «Российский писатель» 2023 г в номинации Критика. Автор пишет стихи с детства, но решила попробовать свои силы в прозе. Психологический рассказ "Явление Галактиона" лег в основу книги и стал ее началом. Человек в атмосфере не только живет, он еще и выживает. Экономические законы твердят свою четкую логику, но человек ведом не логикой экономики, а своим внутренним импульсом добра, которое он несет в мир. ISBN 978-5-0062-4923-3

© Сомова Е., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Явление Галактиона 7
Гладиолус на подоконнике 12
Веселый карантин 14
О любви 16
Прелюдия к счастью 18
Не обожгись 20
Тимошка 21
Розовое масло 23
Под занавес эры абсурда 29
Северный деловитый океан 34
Полёт 35
В одном пекле 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Елена Сомова
Явление Галактиона

фото 2022 г.

Елена Владимировна Сомова родилась 2 августа 1966 года в г. Горьком (Нижний Новгород). Окончила филфак ННГУ им. Лобачевского. Лауреат «Российский писатель» 2023 г в номинации Критика. В декабре 2023 г награждена Дипломом за поэзию: 3—е место в Международном русскоязычном поэтическом конкурсе "Дуэнде Лоркиано" – 2023 в рамках большого многосекционного и мультиязычного конкурса "Парнас" в городе Каникатти (Сицилия). Знаковые публикации: в журнале «Литературный Иерусалим» №37, «Российский писатель», «Поэтоград» (Москва), «Сетевая словесность», «Линия фронта»—2020, «Новая Немига литературная» № 6 /2023 г, "45 параллель", «Клад» (АРТ—Роса), «Текстура», «Русский Глобус», «Клаузура», в сборниках женской прозы и в сборнике памяти поэта Ольги Бешенковской «И надломиться над строкой» – издательство Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V. (Германия).

Автор многих книг поэзии и прозы. Член Гильдии Писателей России и международного общества поэтов и писателей. Член экспертного совета журнала «Terantella». Живет в России, в Нижнем Новгороде.

Явление Галактиона

Люди для Галактиона были как цветы для пчелы: нектар выпил – и прощай, – такой психологический вампиризм, и даже вандализм, прижился в его отношениях с друзьями и знакомыми, а для незнакомых людей он был чуть ли ни братом на пять минут разговора, и потом его долго вспоминали и при случае рекомендовали как умного человека. Разрушитель судеб всегда интересовался руинами, которые создавал, ворошил разбитые стены судьбы, как обломки дома, «заглядывал в окна» – узнавал через знакомых или телефонным звонком вызнавал все нюансы для будущей своей «работы» психологического вампира.

Если вдруг появлялась искра доброжелательства, это означало, что Галактион нашел новые возможности ограбить жертву. Узнавал о новых друзьях или коллегах жертвы, «подсыпал пороха» везде, чтобы к его восторгу произошел взрыв в судьбе его потенциальной жертвы. Слово «испытание» звучало внутри вампира как «пытание», – так он наслаждался бедами, посылаемыми безвинному человеку, который вызвал в нем зависть.

Семья брата, вся от мала до велика, была в психологических заложниках у Галактиона. Едва он узнавал о чем—то хорошем в жизни брата, как моментально его щупальца в виде импульсов антенн посылали отрицательную энергию в ленту пути брата. Забава была недолговечна, и вновь внутренний враг бросал вампира за жертвой.

Брат стал никем: из переводчика он превратился в бомжа, бросив жену и ребенка, запил и вовсе сгинул было в подвалах отчизны, как вдруг Галактион почувствовал жажду страданий Жорика, и паучиная люлька готова: как в паутину проваливался брат в Галактионово внимание. Отнять все – было девизом ненасытного монстра. Татьяна, жена брата, психолог, разгадала ребус развития вампира: в младенческом возрасте Галактиону всегда нарочито грубо ставили в пример брата, и тогда возникла жажда мести.

Жорику так хотелось быть хорошим отцом и надежным супругом, но козни сплетен клубками плелись вокруг него, исходя от Галактиона, и затягивали петлю супружеских обязанностей всё туже. Первая из обязанностей была прокормить жену и ребенка, но ее—то выполнить и не удавалось, в особенности от того, что в представлении его супруги Марины работа мужчины выглядела иначе. Когда Жорик окончил лингвистический университет, Марина думала, что муж будет много проводить на работе, и даст ей возможность пользоваться квартирой, как пунктом сбора подруг для обсуждений их личностных отношений внутри их семей – это нужно было для работы психолога, чтобы не снимать офис. Марина вела дневник наблюдений и развития отношений, давала советы своим пациенткам, как направить отношения в лучшую сторону и добиться успеха. Жена переводчика видела работящих мужчин на предыдущей своей работе, на заводе: это были крепкие парни и рассудительные начальники в тщательно выглаженных костюмах и рубашках. Ее же муж после окончания вуза всегда находился за столом и писал, покрикивал на неё и ребёнка, если они мешали, шумели и сбивали его с мысли. Не было отдельной квартиры, но был у Жорика угол, и стол был в комнате один: за ним и переводы надо было как—то делать, и ребенка кормить на другом конце стола, и всё это так отвлекало и выводило из себя, что заканчивалось непременно скандалом и слезами жены. Марина ждала от мужа уступок, он был для нее главной точкой конфликта, вместо очага поддержки. А если плакала жена, то сразу начинал голосить и ребёнок. Трехлетний Васенька, их сын, не был сильно тихим, любил следить глазками за летящим снегом, любил, когда мама гладила по макушечке, и когда папа звал мириться после ссоры. Наплакавшись вдоволь, он засыпал прямо на руках у отца, и мама с папой уносили его в кроватку спящим. Звякала игрушка, Вася открывал глаза и не улыбался миру, – он был напуган детством, зная, что среди ясного неба так часты гром и ненастье.

В гости часто приходили разные родственники, желая поговорить с профессиональным психологом, Мариной, и обсуждали все новости мира. Им не нравилось то одно, то другое, что праздники, бывало, в их семьях заканчивались скандалами, потому что каждый отстаивал свою правоту и не мог согласиться с оппонентом. Тяжелее всего, когда родной, близкий человек становится не другом, а оппонентом, и все вопросы бытия подвергаются критике.

Интересен в плане отношения к окружающим людям был брат Жорика, Галактион, его даже ставили в пример: он никогда ни о чем не печалился и находил всегда решения задачам бытия. Но не нравилась привычка Галактиона: своих друзей называл он за глаза прозвищем, которого не знал сам человек. Таким образом, можно было при человеке разговаривать с другими о нём самом, а он и знать не будет, что говорят о нём. Брат Жорика развлекался, дергая за ниточки, будто кукол, свои игрушки: приятелей, которые думали, что они его друзья. При телефонном разговоре Галактион подносил телефон к заднему месту, показывая зрителям, как он презирает собеседника. Зрителями, как правило, были Жорик, его жена Марина и мать двух братьев Лариса Максимовна. Галактион гримасничал во время разговора, если ему не нравилось, что собеседник выражает критические замечания, да еще и резкими фразами, и тогда Гарик прикладывал телефон то к переднему месту, то к заднему, выражая тем самым свой артистизм и презрение, наглеца и крошечного, исподтишка, негодяя. Люди для Галактиона были клоунами, над которыми он потешался и издевался. Он грелся их неудачами, забавлялся как умел, распространял забавные сплетни и карикатурно общался, подвергая критике мнение или поведение в жизненной ситуации человека, подвергнутого осмеянию. Дети его брата Жорика смотрели и смеялись над тем, как дядя Галактион разговаривает со своими «друзьями», – они тоже понимали, что у такого человека не может быть сокровенного друга и тем более, подруги. Их маму Марину все уважали вокруг: и подруги, и соседи и даже коллеги, когда встречались в парке на воскресной прогулке. Маленький Васенька и то понимал и смеялся вместе со старшими своими двоюродными братом и сестрой.

Если Галактион уезжал в другой город, и там жил известный поэт, а Галактиона просили купить книгу этого поэта, он покупал, но человека, чью просьбу выполнял, оставлял без книги. Он покупал книгу себе и своим избранным друзьям, которые умели отразить его нападения, умели так же склоунничать в ответ, и тем самым завоевать уважение Галактиона. Так рождался круг избранных для развлечений Галика. Клоунада интересна на сцене, а когда ее действие переносится в жизнь, и она становится кодом общения, как случилось Галактиона с людьми, то последствия такой личности разрушительны. Это началось еще в школьные годы, и всегда было противовесом в общении с его родным братом. Галактион чувствовал с детства избранность своего пути, и так получалось на уровне инстинкта, что любой посягнувший на тайну его пути, мгновенно подвергался изгнанию. Монстр тайно развивался, и не давал открыть себя навстречу людям, дать добро своей души человеку.

Галактион рос в атмосфере презрения к простолюдинам, всегда желая получить некий аванс в свою пользу от человека, с которым общался. Просто дружить он не мог, – чувства дружбы и любви игнорировались монстром, как несуществующие объекты, мальчиком он получил урок брезгливости от своих родственников, и именно брезгливость стала основной отправной точкой в его мнении о человеке. В общении со сверстниками в детстве и юности он выражал свое равнодушие ко всем, но только не к знаниям. Как сухая губка, Галактион впитывал знания, но оставлял далеко позади всех друзей и знакомых, идущих рядом. Вырос и стал академиком, но по жизни получалось, что его интерес к человеку разрушал жизнь испытуемого. Из—за этого Галактион остался один, внутренняя нелюдимость с годами приобрела оттенок отчуждения, а желание направить свой испытательный взгляд на внезапного собеседника носили характер наступления на военный объект противника. Так сформировалось у Галактиона внутри него самого чувство превосходства, которое прочной стеной отгородило от него всех возможных друзей и даже родственников.

Марина билась над законами человеческого общения, пытаясь распустить бутоны цветов в душе Галактиона, но тщетно: стена между людьми и братом ее мужа только укреплялась новыми выходками Галика. Иногда он знакомился с женщинами, и непременно наносил им удары за ударами, прежде чем жертва приходила к мысли расстаться с плохим человеком, обкорнавшим ее судьбу до гнилого веника в прихожей.

Встретилась однажды Галактиону женщина, понимаете, во всех отношениях настоящая женщина: высокая, статная, в меру модная и заботливая, Аллочка, и смогла она укротить монстра, засевшего в ее мужчине, Галактионе Великом, как без тени шутливости называла своего избранника Алла. Это была женщина не вамп, но на подходе к вампу: она брала во внимание все, что являлось главенствующим в ее собеседнике и друге, направляя сразу в нужное ей русло то или другое качество личности. Так, ирония Галактиона над телефонными собеседниками пригодилась ей в оправдании себя, когда она разговаривала с мамой. Разговоры длились подолгу и непременно в ванной, так как дом не был сильно большим, бегали дети, пели и играли в подвижные игры, а терпения человека телефонного хватало на первые несколько фраз с напряжением в голосе. Устав держаться в напряжении, от скачек несносных прыгунов и бегунов, приходилось расставаться с мечтой об обстоятельном разговоре, какой требовался маме Аллы, в нерушимых ее попытках оздоровить атмосферу вокруг мамочки путем поднятия настроения и отказа от плохих мыслей.

Первым делом Аллочка выяснила, как Галактиона называли в детстве его товарищи по несчастью находиться с ним в одном пространстве для игр и развития. Оказалось, его звали Галик, и его имя в разговоре с ним трансформировалось в «Гарик», чтобы максимально приблизить имя к полу.

Алла не была практикующим психологом, как Марина, но вела профессиональный подход в приручении мужчины. В исследованиях имени человека Аллочка зашла за незримую ширму, за которой пряталась разгадка поведения, ведь имя свое человек слышит чаще каких—либо других звуков. Так, Алла выяснила, что имя Галактион происходит от древнегреческого γάλακτος, γάλα – молоко, молочный, млечный путь, галактика. Алла вела наблюдения, фиксируя их в тетрадь, западала на уточнениях черт характера своего испытуемого и избранника, и таким образом их союз укреплялся, и наметились нотки свадебного марша Мендельсона.

В исследованиях Аллы были все данные об имени ее будущего мужа, совпадающие с его качествами в действительности. С малых лет у Галактиона были стариковские повадки: серьезный вдумчивый взгляд, плаксивое и грустное выражение лица. Малыш с таким именем выделяется взрослостью и серьезностью. Все оказалось правдой, подтверждаемой всеми родственниками Галактиона. Взрослость его недетская не привела бы к рассерженной душе, если бы не столпотворение родственников по всей квартире и вынужденное влияние на ход событий «палки». Палкой Галактион называл меры воздействий на проблемы, нарушающие привычный ход жизни: разбушевавшихся детей, пылесос и фен Марины, орущие в самые неподходящие для него моменты бытия, и особенно его бесила генеральная уборка в чистой квартире, где только упадет крошка, – сразу бежит Марина с совком убирать «грязь». Так Аллочка выявила главные раздражающие факторы в отчуждении Галактиона от семьи и друзей: патологическое стремление Марины к чистоте вело свои нити от ее нечистоплотного общения с коллегами и ее студенческими друзьями, подпадающими под казусы ее невостребованности в кругу семьи как женщины милой и желанной. Этому были объяснения: квартира кишела змеями сарказма Галактиона, играми детей, профессиональным топтанием на месте ее мужа Жорика, мучающегося от тех же проблем, что и Галактион: детей, уборок и чистоты.

Невзирая на факт хмурого восприятия жизни Галактионом, характер у него был открытый в момент общения с Аллой.

– Галактион обладает такими чертами, как честность, верность друзьям, умением хранить тайны, – объявила родственникам Аллочка, настраивая скрипку семейной идиллии. – У

мальчика острый язычок, но противника унижать не станет, – вот этого не сказал бы никто в семье: все давно привыкли к телефонным прениям Галактиона с подставлением трубки к заду.

Алла выяснила и нашла прямые доказательства тому, что Галактион на протяжении всего периода жизни получает новые знания. В профессии его привлекают специальности ученого, медика, астронома, археолога. Галактион всю жизнь будет работать над раскрытием тайн своей науки. Чтобы настроиться на какое—то дело, ему требуется время, но выполняет он работу добросовестно, особо шлифуя детали. «Господин Гранильщик» – так шутливо называет Алла своего милого. «Попался в добрые руки, как пес приблудный», – сверлила в спину соседка по лестничной площадке.

Исследования Аллы пришли к выводам, что в некоторых ситуациях Галактион может проявлять некоторую долю упрямства или эгоизма, казаться угрюмым и эмоционально холодным. Вот это была самая любимая черта для желающей удовлетворить свой материнский инстинкт Аллы за счет опеки над «большим мальчиком». Неудачи сильно выбивали Галика из колеи, однако чувства свои он скрывает. Алла в тайне догадывается о смутных чувствах своего «большого ребенка», и приручает его вместе с его родственниками. Одна черта оказалась у Галактиона и Аллы одинаковой: если что—то начинают, обязательно доведут до конца. И несмотря на то, что Галактион долго не создает семью, отношения с прекрасным полом его несколько настораживают, но Аллу он не просто уважал, но готов уже ползти за ней вдоль парапета, где проходит его женщина. Это обстоятельство и поставило Аллочку на роль воспитательницы новых интересов и выявления у объекта дремавших, но изначально присущих качеств. Его может завлечь хитрая и активная особа, но такой брак редко бывает удачен, и Алла доводит свое исследование до финала: она женит на себе Галактиона, и восседает на троне своего всевластия над понравившимся ей мужчиной. Так Алла радовалась своей встрече с Галактионом на Рождественском катке, где вокруг огромной снежной бабы кружил клоун, развлекая отдыхающую молодежь!..

Настоящее семейное счастье Галактион обрел со спокойной, нежной женщиной, имеющей неконфликтный характер. Алла и оказалась такой женщиной—находкой, когда на личности Галика поставили крест все вокруг.

Все шло по астрологическому прогнозу Аллы и ее разгадке трактовки имени Галактиона. Бразды правления он полностью отдает супруге. «Очень любит детей, активно занимается их воспитанием и образованием», – значилось в исследованиях Аллы. Судьба должна была отметить наградой Аллу, – кто ничего не делает, с тем ничего не станется! Наградой стал обрадованный Галактион, он стремился подражать самому себе и следовать установленной супругой программе, а для какой супруге не станет радостью за ее труд такое преображение, новое явление супруга.

Галактиону необходимо следить за своим здоровьем, поскольку физически от природы он не очень крепок. Возможны проблемы со зрением, с годами также дает о себе знать радикулит. А кому не стучит в дверь радикулит поздно за полночь жизни в хорошо протопленной отдельной квартире? Разве что мертвому. Болезнь тоже знает, куда стучать. Особенно когда доктор – сама властительница замыслов супруга. По выходным Алла уже не нагружала Галактиона поездками по зимнему лесу на лыжах или походами на каток.

Племянникам Галика острая память детства дала уроки воспитания и доброго отношения внутри семьи: Галактион «оперился» благодаря жене, и жизнь семьи переводчика Жорика, их папы и психолога Марины пришла к радостным изменениям, полученным за счет освобожденной части квартиры. Аллочка и Галик взяли ипотеку. Слава Алле!

Но не бывает печали без бедствия, как не бывает дыма без огня. Галактион все свои комплексы, с которыми боролась Алла, перевез на новую квартиру, только теперь их действия

целиком доставались одной Алле, а ранее доставалось и родственникам. Живя с родственниками, Галактион был уверен в их поддержке, даже во время разговора подставить трубку телефонную к заду, имея зрителя, гораздо веселее.

Гладиолус на подоконнике

Ты разливаешь на столько чашек свою любовь, сколько у тебя слушателей. Узнала подруга? Значит, это ты поделилась информацией, принадлежащей тебе и ему – с подругой, и ты ведешь их друг к другу, отведя от себя, подобно молниеотводу. Ты так щедро поделилась подарком своей любви, запросто отдала своего любимого другой. Теперь она может стать его избранницей, если сохранит их тайну, – их тайну. Понимаешь, что ты наделала…

Отчаяние – плохой советчик, а ты вовлекла чужого человека в тайну, которую постигать должна была ты, а теперь будет она.

Она с удовольствием откроет ему, кто его подарил ей и воспользуется подарком. Не спеши отдавать Божью милость, самой тебе дарованную в виде любви, даже когда просчиталась. Не отдавайся ошибке и не отчаивайся. Береги лучше время озарения вашим счастьем, даже если убедишься в тигровой окраске своей мантии. Ангелы выполняют мольбы. Становись ангелом и себе и ему, но не ей, иначе она не найдет своего парня, ты потеряешь своего, отдашь благость и милость ветрам на растерзание. И ваши чашки для совместного кофе станут стоять на разных подоконниках в двух разных пространствах, даже если их поставить на одном столе.

Психотип дарительницы – «гладиолус на подоконнике»: цветок один смотрит в окно на двоих, целующихся под фонарем. «Гладиолус на подоконнике» светит им отраженным светом фонаря, сгорая сам, уйдя красотой в землю клубнелуковицей или клубнепочкой. А тебе прострелит в твою почку, жаль, что не в мозги и не вовремя. Ты замерзнешь на остановке ждать автобуса, пока твой бывший парень повезет ее в театр на балет «Жизель».

Потерянная любовь сильнее смерти, ты будешь терпеть одна в палате для послеоперационных больных не только боль прооперированной почки, но и обретешь печать на уста вместе с пониманием своего потенциального проигрыша в судьбе. И это вместо поцелуя от любимого.

Выживешь с желанием увидеть его и убедиться еще раз в отторжении импланта утраченной им любви к тебе, выдрессированной комфортабельным открытием другой стратосферы. Не задавайся вопросами и не пытайся искать рядом с потерянным ключом от счастья. Там только колодец под землю, – твоя смерть. Не бери ее за косу ранее положенного срока. Дважды в одну воду идет лишенный разума. Не позорь себя отсутствием понимания собственной ненужности рядом с ним. Вызывать лишь сочувствие – удел тупиц. Не тупи стрелы настоящей любви, скребя ими скалы. Ты лишь взирала снизу на идущих ввысь к солнцу любви. Они любовались высотами, а ты глотала пыль от проезжих машин с отдыхающими. Они обдирали свои коленки, а тебе в глаза сыпались камни от их подошв. Он ей подавал свою ладонь для ее руки, – а твое сердце падало в пропасть, и его поймать было некому.

Беги их обоих. Познай великолепие воздуха и ослепительность новой любви, но теперь стань умнее. Знай: откроешь свою жемчужину – потеряешь. Не бросай под ноги свой жемчуг. То, что творится в твоей душе – это зарождение света для выражения весенней капели в сердце твоем. Люби жизнь. Иначе будешь сидеть с красивым лицом и в прекрасном платье, и поливать своими горючими слезами гладиолус на кухне перед окном, в стекле которого некогда отражался он, – не танцевать с головокружением любви, а приобретать морщины от глубоко запрятанных слез.

Да не беги ты ложкой по краю чашки. Если он пил из нее – разбей о фонарный столб эту чашу, только не вспоминай его с ней под твоим окном и под твоим фонарным личным столбом. Приватизируй это столб саркастическим объявлением: «Кот ищет кошку для совместного проживания с пакетом «вискаса». И нарисуй бутылку «Виски», далее: «Телефон: …» – не свой, дурында!.. Его номер и ее, – один под другим, вместе.

Приклеивать это шикарное объявление на уровне его глаз, если бы он стоял напротив фонарного столба. Приклеила – и иди, не вспоминай его рост уже и не представляй твоих рук на его плечах, – это же для него погоны, о которые порвешь колготки не ты, а она.

Веселый карантин

Едва я освободила плацкарт, как наш кот презабавно уселся на клавиатуру и еще поудобнее подвинул свой внушительный кардан и поставил лапки—царапки ровно и послушно. При виде этих лапок в тапочках, умиление снизошло на весь мой организм. Но кота все же пришлось вежливо и любя, взять на руки и пожалеть. Компьютер выдал перлы после котового восседания на клавиатуре в следующем текстовом формате: «мммммммм24мммммммммммммммм37». Это означало ровным счетом следующее: «Вы меня любите, я вас тоже, и как бы вы не ругались, на спинку вашу лягу я, а не кто иной. Я же лучший прогреватель почек, к тому же мурзить могу хоть весь день от прикосновения к любящему телу, приоритетно отдыхающему от бурь и наводнений».

Котя был отпущен с рук, обласкан, влез на кровать и свернулся креветкой. День обещал много приятных сюрпризов и даже игру в прятки с внуками.

Из—за дивана торчал кверху пластмассовый штык, и явно целью его была я. «Ну, подумаешь, пластик погнется, пульки вылетят и рассыпятся по полу, когда мелкое чудовище с меховым хвостом с воплем племени апачи вылезет, подпрыгивая, и набросится на меня, как на его добычу».

В это время чудовище готовилось к атаке. В рацию говорилось им по—секрету то, что не слышно было разве что двумя этажами ниже. Я называлась «объект «Кошачья гора»», потому что на мне, бывает, отдыхает наш любимый кот, но с кем это шоколадолюбивое чудище собралось меня окружать, было не ясно, если другие дети играли в совсем другие игры. А кто—то даже рисовал явно не меня, но, возможно, кота на память, потому что кот как свернулся креветкой, так и проспал креветкой, пока чудище с меховым хвостом не сообщило ему почти на спящее ушко о тревоге. Кот, вытаращив глаза, поскакал сначала рысью, будто не уверен был в том, что удрать ему дадут, но мгновение – и опрометью бросился прочь. А целью его было спрятаться подальше, где до него не доберутся эти черти табакерочные, кто из племени апачи, кто уже космонавт и собирается пересечь планету над экватором, а кто и помощником президента. Этот «белый воротничок» забавно перескакивал с одной реплики на другую, думая, что он самый умный и забыв, что самый умный в доме кот.

У меня настала вольготная жизнь: кот спал, чудище переключило внимание на пакет с пряниками, так что даже пластмассовый штык уже валялся, как не настоящий, вперемешку с томагавком и «кровавым топориком» из более мягкого материала, похожего на поролон, но раскрашенного в почти реалистичных тонах.

Тут внезапно прилетела фея с огромными нейлоновыми крыльями в блестках, и покою пришел конец. Фея трепала меня по всем местам, заглядывала в карманы и даже в капюшон от халата, в ожидании исчезающих во рту мехового чудища, баллотирующегося под столом, шоколадных пряников. Пряники были мягкими, и от этого секретность их поедания соблюдалась в строжайшем режиме.

– Переключаем режим секретности. Пряников еще много!.. – воскликнула я, испугавшись своего голоса.

Предательски захрустел пакет. Это говорило о том, что в нем еще оставались пряники, и его заворачивают, с тем чтобы напасть на сладкие запасы, не изведанные доныне.

– Мне бы каруселька сейчас…, – раздался голосок трехлетнего Сашеньки. – Манюсенькую, – уточнил проныра и хлюпнул соплями.

Под столом кашлянул вепрь с меховым хвостом. Кигуруми было маловато, и треснула пуговица, а с нею кусок ткани.

– Это я пукнул! – виновато проскрипело чудовище.

– Значит, пряников тебе нельзя больше, а то костюм расползется.

– Не расползется, он же не бабки—коровки.

И тут костюм протрещал решающую фразу, будто уступая в споре. Это чудовище, разлегшееся по столом и отбросившее винтовку со штыком, внезапно решило поспать немножко на коврике. Изображая кота, вылизывающего шерсть, внук явно перебарщивал, потому что мы договаривались не вытаскивать язык наружу.

– Так, срочное собрание по подписанию конвенского договора! – воскликнула я.

Чудище спрятало язык.

– Правильно, язык должен быть там, где он родился, – похвалила за понимание я.

– Родился и женился! – подхватило чудище.

– Еще читать не умеешь, только пИсать, а сразу жениться! – заржал старший, изображая делание уроков.

– А вот и умею! – завопило от обиды чудище, сняло меховой костюм с внушительным хвостом, и переоделось в шорты с майкой.

– Ой, у тебя попугай на майке! Значит, не дорос еще! – поддразнивал старший вепрь, готовясь к нападению.

Всех выручил кот: он проснулся, потягиваясь и гибко прогнувшись в спине.

– У нас кот—гимнаст! Мы едем на соревнование циркачей! – заверещали в беге наперегонки к коту, двое пострелят.

Кот среагировал мгновенно. Он пропал из поля зрения. Где он, оставалось только догадываться.

О любви

Однажды меня о том, что такое любовь, спросил… не поверите!… слесарь из жэка. И взгляд его был таков, будто он желал вынуть из меня сердце или еще что—либо, но обязательно получить желаемый ответ. И никакие отговорки его не устраивали. Ситуация была подобна капкану: человек в силу своих ограниченных интеллектуальных способностей требовал от меня ответа на животрепещущий вопрос, и всё, что вылетало из моих уст, было подобно бабочкам или птичкам, которых сразу же на выходе поедал хищный кот. Я чувствовала такой напор на свою сущность, будто кран прорвало и затопляет весь подъезд. И что было делать, если ответ требовался и ожидался так неистово? Гормоны у парня зашкаливали, тестостерон явно был в норме. Но как было выкрутиться? А очень просто6 сделала я невинное лицо, и выпалила: «Я не знаю, что такое любовь! Не знаю, и быть ее не может! Уйдите, уйдите сейчас же! Я не порванная труба, которая требует починки. И не надо меня ремонтировать!»

Не думать же о слесаре теперь, проучившись в вузе шесть лет и заполучив миллионы комплиментов за жизнь!

Роскошная обстановка «Шоколатье», – уютное кафе на людной площади. Сижу с композитором и наслаждаюсь горячим шоколадом. Наслаждаться, собственно, больше нечем. Неожиданно в кафе входит… слесарь. Немая сцена. Картонные фигуры. Зрители в ожидании. Композитор допивает свою чашку, раскрывает одним щелчком свой портфель с нотами и бесцеремонно кладет чашку в портфель, туда же довольно толстую трубку для поглощения шоколада, салфетки со стола и… плед, которым там, в кафе, в случае заморозков, можно крыть ноги или плечи. Я ошарашено смотрю в глаза композитору и одновременно в картонную фигуру застывшего посреди кафе слесаря. Мгновение выбора действий. Воспользовалась минуткой припудрить носик и удаляюсь в дамскую комнату. Композитор говорит, что подождет меня, когда я вернусь, а сам тем временем кладет в свой портфель и мою чашку с блюдцем. Плед мой не уместился, слава Богу!

Выхожу – слесарь испарился, – может, он был видением?.. Скорее всего, это так. Абсурда не ждали. Подхожу к шоколатье и покупаю шоколадных медведей для внуков. Разворачиваюсь: композитор смотрит на меня, как слесарь с половым вопросом во время аварии. Не прекратит – отвечу ему на вопрос о том, что такое любовь.

Как любая жена, супруга композитора звонит ему в карман пиджака. Он желает ей «доброго дня, милая»! А кто тогда я?

Бестия, чей плед не умещается в его портфель? Задаю вопрос по поводу разгрузки портфеля. Все это длится считанные секунды, – и мы выходим из кафе в майский солнечный день, счастливые, молодые, полные задора и полного отсутствия равновесия! Фонтан на площади куролесит своими огнями изнутри воды и музыкой! Музыкой! Композитор отвечает на мой вопрос неожиданно, когда я уже не жду ответа. Понимаю, нет, не понимаю! Надо было всё выложить.

– Чашка шоколада в кафе не стоит таких необозримых затрат! могу поделиться чашкой.

– Не стоит. Она грязная.

Оказывается, он даже помыл эти чашки в туалете и протер бумагой, пока я пудрила носик.

– Это он воры, а не я! Они бестрепетно лезут в мой карман и выуживают из него необходимое им.

Слава Богу, что мы платили за шоколад по отдельности. Бог милосерден. Композитор верующий. Он молится каждый день и активно провозглашает постулаты ценностей.

Так, ангелами летим над крышами, заглядываем в пентхаус и поселяем там свои мечты.

Прелюдия к счастью

Падал тихий снег, жгло сокровище любви, а моё сердце, не знакомое с предательством и следами шествия по вынужденным пунктирам, прочерченным страхом не оказаться в центре внимания, а вдруг на обочине, держало флаг преданности и умиротворения в нежном кошачьем скрипении четвероногого друга, подаренного накануне расставания. Котенок мурчал и фыркал при попытке пить молоко из блюдца, а я обмирала от желания вновь испытать счастье, и не выиграть его, как билет на карусель, а получить законную радость, как после сдачи экзамена, когда вся наука была выучена, и оставалось только закрепить оценкой профессора заслуженную похвалу.

В подъезде громко лаял соседский пес. Котенок и сердце мое испытывали беспокойство, поводов было несколько, и никакие события или звуки не могли потревожить только память о недавно бывшей встрече. Мелкие винтики самолюбия еще трепыхались в горсти несбывшихся желаний, а приложи я ладонь к ладони, выпучив их чашами, накрытыми одна другой, и в этой сфере окажутся не несбывшиеся желания, а будущее счастье, которое выпорхнет мотыльком из двух полусфер, если ладони разъединить. Пусть летит, летит прямо к нему, шевелит его время и договаривается с его эгрегором, но пусть он окажется рядом со мной и еще раз мне скажет то, зачем он пришел. Он был рядом, чтобы сделать меня счастливой.

И зима накрыла белым пуховым платком землю, и небеса стали свежим молоком, и снег вертикально налетал на металлическую решетку забора и становился неписанной красотой, прилипая миллионами снежинок и застывая ими внутри квадратов сплетенной из железных прутьев решетки. А те крохотные окошечки, не заполненные хрусткой мозаикой снега, обветренного и застывающего хрустальными стеклами, сквозь которые через верхний угол каждого квадратика были видны редкие деревца, оживающие весной белыми, как этот снег, вишневыми и яблоневыми цветами, создавали живую мозаику с помощью движущихся позади забора людей. Прохожие шествовали в то учреждение, так людьми примитивно орешеченное забором вокруг, и разукрашенное так искусно природой.

Но котенок вырос, а парень так и не пришел. И бабушка устала ждать вместе со мной, уговор же был не кукситься в случае неудач. А неудача была одна: он не пришел познакомиться с моей бабушкой, и это означало, что он все сказал неправду о счастье. Счастье же не может быть одиноким, оно явление парное.

Когда же белые цветы яблонь и вишен заполнили пространство за тем безыскусным забором, превращающимся зимой в сказочную мозаику, он явился, как ни в чем не бывало, но вместо радости возникло раздражение, потому что молоко ожидания выкипело и засохло под осыпающимися лепестками погребенным под ними желанием любить именно его. Сердце не захотело простить, и я не могла сделать вид, что ничего не произошло, и не было этого резного забора в мозаике, осыпанного кристаллизованными слезами вперемешку с налетающим роем снежинок.

Упорядочилось время, родились котята, даже за ними, животными, пришли люди, а этот… за мной не пришел. И бабушкины глаза стали пасмурными: «Обманулась ты, девица». А девичья память мотает пряжу снежных вихрей, и каждый год белые клубки становятся объемнее.

Когда уже обманул, что в пустой стакан хлебом макать?! Молоко—то выпито!

Этой наивной фразой встретила я кавалера и закрыла дверь между нами. Он, может, поиграл просто и на полгода испарился, так зачем его встречать, как человека, если его ждали, как человека?..

Не обожгись

Березовые стволы отдавали свет и солнечное тепло нам, вошедшим в лесополосу для утоления любви, для целования – и только. Лес был наш, – садовые домики рядом, в двух километрах, ёжики пробегают, как прохожие на городской улице. Земляника… а потянешься за ней – и потеряешь… Так параллельно стволам и в прятки сыграли, и налюбовался на солнцеворот сквозь мои волосы.

– Беляночка… милая моя…

Бежать, здесь может спасти только бег трусцой – за океан солнца и его лавину. Не свершилось таинство сна, не горевал соловушка в парке, слышный с балкона. Сок березовый пролился в горло: слишком высоко запрокинула голову, и едва не стала сама берёзонькой, что не «во поле», в лесочке стояла. И хорошо, солнце – высушит капли сока берёзового, белого, с маминой слезой, волглого и головокружительного. Не потеряла совесть и запрокинув голову, и плюхнувшись рядом с ландышами – от счастья, на весенний майский мох. Бабушка говорила, кто в мае на мох в сухое место придет, да на этот мох ляжет спиной, загадает сокровенное желание на будущие полгода – непременно сбудется. Но даже если сбудется, надо придти поклониться лесу и земле, на которой вырос мох, что исполнил желание. Снова выбрать сухой и солнечный день, но уже в сентябре, снова лечь и продолжить своё желание. Так длится продолжение реки жизни, какой ты хочешь. А кто дорог сердцу и с тобой будет, ваше совместное желание сбудется, если оно имеется, только рядом быть надо, и не сильно измять мох, чтобы корни мха, не повредить усилиями тела, иначе ребенок ваш злым будет.

Мелкие тропки вились в траве: грибники бывали здесь, да сборщики ягод. Земляника душистая, да не ешь сразу – обожди, иначе обожжешься в жизни. Спрячь с веточкой – и дочка Света будет, принесёт в дом свет и радость. Совладаешь с собой и остановишь вовремя лавину – сын Владик будет, Владислав. Когда доброй славой наполнишься перед друзьями жениха, то знай: твоё время чаровать милого. Тогда в следующий раз уже с мужем придешь к поляне со мхом, и обует он тебя, – на мхе этом стоя будешь примерять обнову, и сердце радоваться станет при появлении мужа, и наглядеться друг на друга не сможете – весь день пробудете среди берез, любуясь друг другом. Берёзы – деревья не простые, они свет раздают и – только собирай да береги его в сердце и душе, свет березовых стволов и сияющих любовью глаз, от тебя согревающих даже в стужу. Добрый свет даже холодом согревает.

Тимошка

…И я представила, что заслышав весть обо мне, он рванул на улицу в снег, и хлад снега быстро падал на его волосы, ресницы, губы и щеки, плечи, спину и грудь. Особенно волновала меня его грудь, белая рубашка, тонкая ткань которой легко пропускала холодный воздух. А горячее сердце отскакивало от снега и неслось вслед за моим дыханием по длинной—предлинной улице с горящими неоновым светом витринами, новогодними гирляндами и фонарями, под которыми целовались наши тени много лет назад. На эту грудь я ставила банки, – так лечили кашель бабушки. Я не была его бабушкой, – только лишь возлюбленной или феей его уходящей юности. Но я слышала слабый и веселый голос его совсем старенькой бабушки, умиляющейся над причудами единственного любимого внука, голос, ласкающий непоседу—мальчика, провинившегося, и сразу же получающего прощение ее пылающего любовью к человеческому сокровищу преданной души, сердца любящей бабушки. Я люблю его еще больше, оттого что слышала голос его бабушки, этот умиленный моментом звонка внуку голос надежды на озарение умом и совестью. Бабушка сообщала, что накопила ему «денежков»… Сколько мешков? – В рифму мелькнула шутка, – и с этой шуткой в сердце я, покоренная силой мужчины, о котором идет речь, и который стоит теперь под снегом, услышав обо мне весть, о том, что, может, я сейчас на Покровке, и он меня увидит сквозь стекло в кафе, пьющую кофе с пирожком. Он – Игорь. Он не долго стоял, рванувшись сквозь рваную темноту из его кафе, где знакомые люди любили его, где друзья пели дифирамбы его пылкой душе, зажаренной, словно летающие птицы в Хорватии над Адриатическим морем, для подачи на стол богатому клиенту. Зажаренной страстью душе, испепеленной любовью и страстью одновременно. Длинный шарф ниспадал на снежное покрывало, такое пушистое, не примятое ногами пьяных, не сдунутое ветром, которого не было. Был только белейший пух ангелов света над нашими головами, потому что мы всегда вместе, даже тогда, когда он стоит один под снегом и пылает прошлой любовью, такой сильной, что прожигает рубаху, и весь этот снежный карнавал летящих ангельских перьев тает и прорастает пальмами и ручьями сока кокосовых пальм…

Жалко, что уходит время, оно драгоценно. Жалко, что он так стоял и ждал меня почти двадцать лет. Пятнадцать – какая разница!.. Он же не приехал, не нашел меня такую, какая я есть, не увлек за собой в свое пространство с бабушкой, мамой, попугаями и вечно целующими всех подряд музыкантами. Он не знал о Тимошке и не думал о нём, нашем сыне, потерянном во времени под секирами черных ангелов смерти. Он не плакал над мыслью об ушедшем сыне. Тимошка теперь только смеется, – ему смешно, как папа потерял маму в накуренном кафе, в витринах супермаркетов с голыми головами без глаз и губ, в любезностях с дивами на сцене, плахе.

Потерянная голова – не сгоревшее сердце, но сердце не привело его ко мне. Игорь крепко спал душой, автоматически считая барашков его судьбы, на облаке, отогнанном от моего облака дыханием ветки мая, посылающем в мир весть о новой любви.

Река, а в моих мечтах – море, зализывало рану сердца, закапывало песком и илом якорь вместе с сердцем. И так, закопанное, сердце не мешало, а откопать его не мог никто уже, – не было же рядом ни меня, ни Тимошки.

Бабушка Игоря связала два костюмчика нашему ребенку и умерла. В одну нитку, тонкие два красивые костюмчика, от всего сердца. Рядом Парки наточив ножницы о ветер и камни, которые мы собрали, стучали лезвиями ножниц, попав на нитку от клубка бабушкиного вязания. Голос ее в телефонной трубке замолк и растворился в творожных облаках лета, над лугом с белыми и синими цветами, красивыми, как ее глаза, глаза уходящего человека смотрящего в себя, а видящего всё вокруг на десятилетия вперед.

Тимошка умирал внутри меня от горя и яда, вошедшего в мою кровь по неосторожности: на работе, в офисе, морили тараканов, набросали везде по ящикам и столам круглых ядовитых таблеток, и в ящик моего редакционного стола вложили такую таблетку. Ящик той новомодной мебели не открывался до конца, и невозможно было увидеть эту таблетку, липучкой приклеенную к боковой части ящика тумбочки изнутри. Этой ядовитой таблетки ежедневно касалась катушка с тонкими нитями для очищения межзубного пространства. Нити были влажными от прикосновения к деснам и зубам во рту. Я не знала, что заботясь о своих зубах, я убиваю своего ребенка, который был тогда эмбрионом.

– Ваш эмбрион погибает, – вердикт врача убил мое сердце этой жестокостью слов, молнией пронзившей небо над моей головой. – Сердцебиения почти нет, он живет за счет пуповины, которая питает почти труп.

– Нет, он не труп! Игорь! Игорь! – голосом отчаяния прозвучали мои слова и попытки позвать любимого, затерявшегося в атмосфере.

– Не кричите. Он не услышит. Слишком велика похоть водящая его по кабакам. Сейчас так много увеселительных заведений, что Игорь Ваш забыл о вас.

Белая небесная кровь отмывается от черных точек птиц справа над креслом, за тонким стеклом врачебного кабинета. Сюда не пускают посторонних. Здесь женщины прощаются с эмбрионами навсегда, и маленькие кладбища в душах полнятся крестиками, не надетыми через головы не рожденных младенцев, не коснувшимися нежной ткани распашонок. Свои собственные ноги, согнутые в коленях, сучат стопами от боли, и бездыханное чувство боли уже не рождает крик сердца, утопленного кровью небес.

И что теперь орать пробудившимся сердцем, что прожигать снег глазами, полными надежды и отчаяния?!

Раны зарубцовываются с трудом. Это духовный труд небес, не простивших, но пожалевших. Не человек пожалел – небо плачет дождьми, и сечет по стеклу ветками бегущих струй. Это слезы подруг, читающих мое откровение о не рожденном сыне Тимошке, о его беспутном отце, потерявшимся в кафе за столиком. Потерявшимся, но внезапно вспомнившем всё, и ужаснувшимся содеянному им: забыть о сыне и его матери посреди карусели развивающейся экономики страны.

Розовое масло

«Что уму представляется позором, то сердцу – сплошь красотой» Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы» цитата перед романом Юкио Мисима «Исповедь маски».

В детстве меня поразил запах розового масла, духов из тонкой пробирки, привезенных из Болгарии родственницей моей мамы. В советское время редко кто ездил заграницу, это сейчас каждый второй едет на праздники или в отпуск.

Однажды бабушка Аня рано утром сказала мне:

– Пойдем к Макарчукам, приехала тетя Надя из Болгарии и привезла розовое масло.

– Скорее, скорее, пойдем и позавтракаем там, у тети Нади. Будем чай с розовым маслом, с бутербродом.

Но пришлось все же завтракать дома и я почти давилась ненавистным сыром с молоком, спеша к тете Наде.

– Сиди, сиди дольше со своей кашкой и бутербродом! Там Тетя Лиля сейчас все розовое масло забрут с Наташей, и тебе ничего не достанется.

– А оно сливочное, розовое масло?.. – успела только промолвить я.

– Скорее, мама сейчас придет раньше нас, расскажет все секреты, и опозорится перед тетей Лилей, скажет, что у нее нет денег на розовое масло, – торопила бабушка.

– Так оно еще и денежное, розовое масло? Оно из букета роз? – не унимался голосистый ребенок, презрительно ковыряя комки каши, думая: «Ну как можно есть то говно?».

– Бабаня, бабань! – позвала я бабушку. – Ну как можно есть это говно? – произнесла несносная девчонка, размазывая по тарелке молочные комки с манкой.

Тетя Надя давала мне понюхать заветное розовое масло, и я, зажмурив глаза, представляла совсем другое розовое масло, не духи, а прекрасное кушание: кусок масла розового цвета, который великолепно размазывается по хлебу. А тетя Надя смеялась тому, как я наслаждаюсь этим запахом.

Но масла нам не досталось. Его забрали тетя Лиля и Наташа. Им надо.

Я даже заплакала, когда узнала, что «мы опоздали», и нам выпала карта только понюхать счастье.

Когда через 18 лет СССР распался, и в страну хлынули отовсюду все соблазнительные товары, то я купила розовое масло для мамы в точно такой же прозрачной пробирке. Бабушки тогда уже не было, но годовщину со дня ее ухода в мир иной мы встречали с розовым маслом, вспоминая ее доброту и широкое сердечное спасибо всему: и радостям, и горестям. Тогда произошел мой межгалактический диалог с душой бабушки, она говорила:

– Это жизнь, и то, как человек встречает ее сюрпризы, говорит о состоятельности его, о его внутреннем совершенстве.

И я отвечала бабане:

– К сожалению, умирают все, независимо от того, совершенны они или нет, даже Архаты.

Этот мгновенный диалог сохранился в памяти драгоценностью.

– А зачем оно мне теперь? – грустно сказала мама, принимая пальцами пробирку с розовым маслом в картонной упаковке. – Молодость уже прошла.

На глаза мамы навернулись крупные слезы. Мне так больно было видеть ее горе по ушедшей молодости, что я сама чуть не расплакалась, если бы не маленькая дочка Юленька, вбежавшая в тот миг в комнату с оранжевым медведем в ручонках, которого я купила ей в день испол-

нения грудной малышке месяца от роду. Оранжевый медведь прямо в целлофановой упаковке сидел на углу кроватки новорожденной Юленьки. В упаковке, потому что медведь меховой, а шерсть могла причинить вред ребенку, если попадет в дыхательные пути. Так и сидел мишка в целлофане до тех пор, пока она дочь сама не начала брать его ручонками.

Теперь Юленьке полтора года, и я жду второго ребенка. Бабушка жива, но умрет перед рождением второй моей дочки. Она трудно переносит все изменения в жизни: сначала умер ее поклонник дядя Саша, потом я познакомилась с Мишей и она говорила мне: встречайся лучше с прежним другом Женей, ты совсем по—другому вела себя с ним. Ты стала грубой, и мне это не нравится. Грубость не к лицу ни девушке, ни молодой женщине. Как хочешь, но восстанавливай связь с Женей.

– Дважды в одну реку не войти, я не нужна Жене, – умудренная опытом, промолвила я.

Как я жалею о времени, безвозвратно упущенном, когда бабушка ждала меня и одну, и с Юленькой, и посылала нам через маму подарки. А я то общалась с Женей, наплевательски отнесшимся ко мне в момент необходимости, то – уже позже – крутилась между кухней и варкой для мужа. Крутилась маленькой счастливой белкой в колесе Фортуны между сдачей анализов по поводу второй беременности, однозначно оставленной развиваться в хорошем браке, между пылким Женей, не смогшем пережить спокойно мое замужество и желанием пойти к бабушке и навестить ее, заболевшую от разлуки со мной и слабую. Розовое масло еще более ухудшило бы ее состояние. Бабушка боялась войны, что наступит снова голод и крушение мечтаний о мире. Что значит экзотика, розовое масло в черной жизни…

Когда родилась вторая дочка, муж был в ярости. Я одна знала, что родится дочка, все ждали мальчика. На УЗИ я попросила врача и заплатила ему, чтобы он сказал, что будет мальчик, и я смогла сохранить беременность. Бабушка просила не называть в честь нее дочку, потому что она тяжело жила. Милая моя бабушка умерла 4 декабря, а дочка Анечка родилась 19 декабря, в Николу. День рождения моей бабушки должен был быть 18 декабря, но 72—летия не произошло.

Розовое масло осталось в сознании моем чем—то недосягаемым, пылким признанием друга ранней молодости о том, что он не может без меня жить, лепестком цветка розы, чайной розы в саду моей бабушки – другой, со стороны папы. Баба Лиза мне заваривала розовый чай и приговаривала, что такой чай умиротворяет сердце и душу. Это был невероятно ароматный чай, о котором я беспрестанно рассказывала бабане и в детском саду прожужжала всем уши о волшебном чае, от которого расцветают вокруг самые красивые цветы, и появляются птички —колибри, пьющие нектар из цветов своим длинным клювом.

Воспитательница в детском саду, устав от моего трещания о чае, садах и птицах колибри, сказала, приложив палец к шубам, что «это тайна!». И тогда я замолчала. Это стало тайной: лианы цветов, колибри, тайный аромат роз и танцующие женщины в индийских нарядах с разрисованными руками и красивыми лицами с длинными тенями на веках от угла глаза к вискам. Так разрешалось краситься Наташе, толстой дочке тети Лили, потому что Наташа занималась гимнастикой во дворце культуры, чтобы согнать жир. А я в детстве была очень худенькая, и мне выпало заниматься музыкой, играть на фортепиано.

Папа очень ругался, когда видел накрашенных девочек: Наташу, некоторых моих одноклассниц. Судьбы их оказались именно такими, как предрекал мой папа: они рано теряли девственность. Одна из них умерла в тридцать лет по непонятной мне и выросшим одноклассникам, причине, оставив на руках у своей матери и бабушки маленькую дочку. Девушку ту звали Света Фахретдинова, она была красавицей, очень похожей на индийских актрис из фильмов, популярных в то время. Я была потрясена смертью Светы, ведь до ее внезапной кончины я видела свою одноклассницу красивой, юной мамочкой с маленькой девочкой в коляске и высоким парнем, который целовал ее у трамвайной линии прямо на улице неподалеку от универ-

мага. Когда Светы не стало и одноклассники плакали по ней. А я подумала, ведь хорошо, что мне удалось увидеть ее тогда возле универмага, рядом с трамвайной линией, красивую и молодую женщину, Светочку нашу, в короткой юбочке и светлой маечке с короткими рукавами, облегающими красивые руки, такую необычайно красивую, с прекрасными длинными темными вьющимися волосами, великолепной фигурой, не пострадавшей от родов. От нее исходило сияние молодости и красоты, от светящегося вида, такого притягательного, шел импульс добра, и только память о ранних похождениях Светы с мальчиками, останавливала колесо озарения.

Света была как рыцарь, победивший дракона, воскресая после битв с неблагополучной судьбой, юной и еще более красивой. Парни старших классов ходили гужами за юной красавицей, а одноклассницы завидовали, что Свете все можно. Только после результатов контрольных работ по необходимым при поступлении в университет предметам, Света огорчалась, но ненадолго: под окном школы ее ждал приятель и прекрасный вечер, насыщенный чувствами, пока мама была на работе, а бабушка молилась в мусульманской церкви далеко от города и дома. Выйдя из драконьей пасти красавицей, Света не подражала своим одноклассницам—отличницам, а предавалась любви даже в подвале дома ее требовательного дружка из старшего класса. Там—то, в подвале, откуда наша классная руководительница вместе с милицией достали ее однажды, и подхватила Света неизлечимую болезнь, занесенную нетрадиционным для девочки седьмого класса путем, от которой умерла спустя три года, родив после восьмого или девятого класса.

Но она—то в девятом не училась и даже не числилась в школе.

– Что, Светик—семицветик, будем выполнять работу над ошибками, или у тебя дела поважнее имеются?! – спрашивала Свету учительница математики Тамара Михайловна, на что Света отрицательно мотала головой, убеждая учителей в своей некомпетентности в учебе.

В сказках дракон падал наземь, сраженный рыцарем, «и не было на нем ни единой царапины», в реальной жизни рыцарь падал, сраженный алкоголем, а зеленый змий полз по дороге, увитой плющом и терном, прямо к замку богини.

Весть о ее смерти стала странной неожиданностью, всколыхнувшей меня. Я своим подросшим дочкам рассказывала о Свете, показывала ее фотографию, которую она подарила мне еще в школе. Рассказывала без утайки о ее ранней любви, не давшей ей учиться по—хорошему. Настраивала на отличную учебу детей и светлый путь познания в учебной аудитории в вузе. Оказалось, зря. Дочки выросли, и все мои слова вылетели лепестками чайной розы, будто вернулись из моего детства, и полетели в мои стихи, а дочки рано определились в жизни. Они вышли замуж и родили мне внуков друг за другом, будто соревнуясь в нехитром мастерстве абсурда: вместо университета в свободной стране закабалять себя бытом и ранними детьми.

Заплаканное лицо красивой мамы Светы Фахретдиновой до сих пор стоит перед моими глазами, когда я закрываю их, вспоминая школьные и послешкольные годы. Ее мама случайно зашла ко мне в библиотеку на абонемент, и поведала мне о смерти ее дочки. Светочка была отравлена в годы молодости и красоты самым страшным ядом: красивым языком парня, пользовавшегося успехом и умевшим сделать комплимент так, что отказаться от связи с ним было невозможно, какую бы боль ни несли последствия. Сначала Света была «младая богиня, чьи чары одурманивают мозг», потом стала «гадкая потаскушка с темной кожей рабыни». Смуглая кожа Светы еще в шестом и седьмом классах сияла чистотой и ухоженностью: ее мама привозила откуда—то хорошую косметику, которой в СССР не было, и Света даже тайно водила девочек из класса посмотреть на эту косметику. Однажды и я там побывала, в квартире со спущенными шторами и неопрятно заброшенной бархатным покрывалом кроватью, а потом папа так меня выпорол, а мама даже слушать не стала о красоте и этой необычайной косметике:

сразу рассказала срочно о моем походе в дом Фахретдиновой отцу и деду. И двери на улицу оказались накрепко закрыты передо мной. Мне разрешалось только читать, заниматься уроками и музыкой, ходить в школу общеобразовательную с засеканием папой минут до школы и обратно, после уроков, и так же отмерялись строгими минутами мои походы в музыкальную школу и обратно – по секундам. Так что заниматься тайными делами с мальчишками было бы невозможным, несмотря на мою зарождающуюся красоту и привлекательность, длинными светло—русыми косами. Тайными вечерами я мечтала о любви за книгой с романом Стефана Цвейга, мне снились прекрасные сны о любовной страсти. Утро решало все четко и без капризов: школа – дом, занятия, чем усерднее – тем легче будет в будущем.

Легче не было. Всегда любовь у меня сопровождалась борьбой за нее, разными препятствиями на пути к ее воплощению. Так отравленная вседозволенностью юность моей одноклассницы стала причиной отрицательного отношения к любви из—за ее недоступности для меня. То уроков полно, да еще музыкальная школа гвоздила меня чудом неизведанной красоты музыки. Я играла на концертах пьесы, а потом увлеклась джазом. То мама избранника дома, а у меня дома почти всегда был папа с переводами и товарищами по творческим устремлениям, приехавшими из дальних стран с увлекательными рассказами и подарками для меня. То бабушка с дедушкой намертво засели дома, несмотря на сад, а то дядя Толя приезжал – и это значит, его подарки и рассказы отменяли все встречи и давали антракт всем предложениям пойти в кино или на лыжах.

Так неудовлетворенные мечты о любви заменили ее саму, любовь, она стала недосягаемой мечтой, замком с драконами, рыцарями и палачом с топором и виселицей, охраняющими вход. На мостике перед входом в замок любви висели летучие мыши с презервативами на ушах, – какая радость: увидеть хищный нос с мелкими серыми волосиками перед входом в сады земных наслаждений!.. Иероним Босх вырисовал разные необычности на пути в неизведанное, мне нравились только цветы и птицы, но не ноги и тела. Вид открытого тела был даже чем—то противным, что наверняка одобрили бы педагоги советского прошлого почившей страны, о которой сейчас, спустя тридцать лет, начали так сожалеть, что слезы по СССР стали актуальными и понятными. Но жалко, что поздненько эти слезы по стране прошлого с высокими запросами в образовании, стали актуальными, только когда появились 15—летние роженицы, и начальная школа загудела от рассказов счастливых парочек, изведавших сладость постельных причуд и без утайки несущих вести направо и налево о том, «как это здорово». Учителя затыкали им рты вестями о низкой успеваемости всех классов, где в перемены носились охи и вздохи от услышанного того, что во весь голос никогда в советское время и не говорилось.

Палач с палицей и четким топориком—секирой дежурил на пути к мыслям о любви. Отрицательные примеры вились роем и жалили щеки слезами отступников от морали. Но женщины по—прежнему ходили с круглыми животами и колясками, в универмаге продавались крохотные чепчики и ползунки с распашонками, а мамы вешали на гвоздь в ванной кружку Эсмарха неоспоримо и веско. Как занесенная над шеей секира, висела эта «кружка», будто крышка над гробом любви, принесенная вестью о дороговизне и недоступности противозачаточных средств. Гробилось время, данное на любовь, уносились возможности стать матерьми, родителями, у не имевших собственных квартир, людей. Коляски стояли в коридорах подъездов, а младенцы с младых ногтей учились любить свою Родину, нарисованную на фантиках новогодних конфет «Мишки в лесу».

И мама четко отпинала меня, прятавшуюся за бабушку, с вестью о беременности до свадьбы, так что бабушка в трепетном сочувствии слезно попросила меня оставить ребенка и отдать его ей.

Висели на ушах байки о планах на будущее, об ангелочках на крестильных рубашечках желанных детей, рожденных в браке, а я захлебывалась горькими слезами и в ужасе слушала, «как это больно».

Это действительно было больно, – лекарствами государство снабжено было не сильно, и все они попадали в руки «добрых нянь», гребущих таблетки для своих да наших. «Не нашим» делали затуманивающие мозги уколы, так что всю боль они несли на себе, эта боль придавливала к креслу, не давала пикнуть, не то что кричать, и ее помнили долго. Кричали только те, кто «принял» перед креслом, им боль казалась острой и невыносимой, и хотелось спать, а не стонать от уничтожения их неосуществленной материнской чести. А говорить можно было только что «не больно» и «спасибо», заливаясь кровью и слезами.

Это и была часть драконов на пути к чистой и благородной любви с цветами сливы в золотой вазе.

Оказывается, драконов убиваешь ты сама своей твердой уверенностью в своем желании, – и только. Хоть десять детей без мужа роди, но твердо отвечай акушеркам и всем «сочувствующим» с их байками о лучшей жизни, которой нет, как птиц колибри в среднерусской полосе. Одну такую птичку привез в аквариуме на Родину ученый—биолог и физик Баймуратов Евгений Антонович, его поэтический псевдоним Евгений Карель. Он обзвонил всех своих студентов и друзей, все пришли в лабораторию, где птичка была выпущена на стол в его кабинете, поклевала ветки с семенами из Австралии, своей красивой и богатой Родины, настороженно прислушалась к сотрясаемому трамваем за окном, воздуху. Колибри очень чуткие. Птичка смогла сделать только четыре шага по столу и, поняв и переварив своим осязательным аппаратом, как мы живем, упала клювиком в стол, широко раскинув экзотические крылья.

«Откровенно говоря, это было очень трудно сделать, – писал мне издатель о составлении подборки моих стихов в его журнал. – Для подавляющего большинства далеко не понятно, о чем вообще идет речь. Вулканы Вашей души должны быть понятны и созвучны душам читателей, иначе не будет отклика. Горошина должна прилипать к стене, а не от нее отскакивать».

Я отскакиваю, подобно горошине от стены, от реплик пылких критиков с оттопыренными карманами, полными… Неприлично сказать, чем. И вся эта любовь с розовым маслом улетела птицей жар с картинки из книги сказок для детей младшего школьного возраста. Для жизни и души остается только поэзия:

«…звонки
трамвайные
Измельчавших колоколов» Роальда Мандельштама щебечут тайными колокольчиками ожидаемого счастья…

3 января 2023 г.

.

Роальд МАНДЕЛЬШТАМ (1932—1961)
* * *
Вечерами в застывших улицах
От наскучивших мыслей вдали,
Я люблю,
как навстречу щурятся
Близорукие фонари.
По деревьям садов
заснеженных,
По сугробам сырых дворов
Бродят тени,
такие нежные,
Так похожие на воров.

Я уйду в переулки синие,
Чтобы ветер приник к виску,
В синий вечер,
на крыши синие,
Я заброшу свою тоску.
Если умерло
все бескрайнее
На обломках забытых слов,
Право, лучше звонки
трамвайные
Измельчавших колоколов.

Под занавес эры абсурда

"В трудные времена не замыкайся в себе: тебя там легко найти".
Станислав Ежи Лец в переводе Иосифа Бродского

Бесподобный шут и картинный баловень судьбы, он разбивал женские судьбы, подобно елочным игрушкам, со звоном разбивающегося стекла, и потирая руки без перчаток, отпинывал несчастную жертву. Маниакальное стремление убить в женщине женщину, сделать ее рабыней его интересов, подчинить себе, дракону и ящеру, не угасало, а только крепчало в этом чудовище. А если он замечал, что дама еще находит в себе силы сопротивляться – спешил резко разбить весь ее внутренний мир, чтобы захлебываясь слезами, она каялась в своем отказе сотрудничать в его поганых делах по убиванию света жизни в человеке. Картинная галерея убийцы в лицах его жертв красовалась в его документах на рабочем столе, и каталог с информацией о каждой личности надежно был спрятан в квартире подлеца. Так ему приятно было ощущать себя пупом Земли и хоть в поганом деле, но быть на высоте, как винторогий горный козел на вершине абсурда, задрав сволочную башку к уходящему за горизонт солнцу. Говорят, козлы издают особый гортанный звук, запрокидывая голову и провожая солнце на высшей горной точке. Не берусь быть звуковым экспертом, но ощущения козла должны быть сродни ощущениям этого убогого скота, разбившего мою судьбу о стену своих устремлений стать Богом.

Завершилась эра абсурда, упал занавес, будто в театре закрылась сцена, и жизнь предстала перед Кнутиковой во всем неприступном ранее обличье кровожадных истуканов, дружески похлопывающих по плечу и улыбаясь кровавой улыбочкой перед насыщением кровью ее судьбы. Финтокрутов был ее дружком с кровавыми ухищрениями, и всегда отмазывался, как скот последний, чуть что произойдет, и ему придется отвечать, а он же привык прятаться за чужими спинами, спасая свою поганую шкуру. В этом ему способствовала его маменька: с младых ногтей отмазывала его от всякой ответственности за дела сына, спасала, как от смерти, от студенческой картошки, выручала от всех видов мер воздействия, которые формируют несостоявшуюся личность.

Всосался в ее судьбу, и убеждался в своей силе, обретенной в результате кровососания из ее раны, им же нанесенной, и ковыряемой с особым усердием. Главное оружие кровопийца – внушить жертве чувство вины, ее вины за ее плохую жизнь. Далее – просто ежедневное получение ожидаемых с ее стороны действий, услужение его внутреннему истукану, посылающему беспомощную женщину на амбразуру не сложившейся судьбы, а точнее будет даже сложившейся, но под его неусыпным бдением, так что жизнь становится тем же самым, что смерть: сама себе не нужна, а тем, кому нужна – некогда тебя успокаивать и развивать твою фантазию насчет будущего. Когда в ушах у родственников бананы из гаджетов, то жизнь с глухонемыми, отвлекающимися на секунду от своего безудержного рвения всосать в себя информацию и сказать тебе резкое «отстань», не имеет ценности.

Любили, жалели, ласкали, взрослели. Выросли до расставания. Кнутикова замуж вышла, родила, а этот скот винторогий явился пред ее очи, когда муж его бывшей жертвы был на работе, а она сама сцеживала молоко между кормлениями ребенка своего. Маменькин сынок молочка захотел? Нет, крови ее требовалось и слёз. Он привык ко вкусу удачи рядом с очаровательной женщиной, которую он со временем владения ею превратил в половую тряпку, активно пользуясь всеми преимуществами в обществе рядом с хорошенькой юной особой.

Явился уничтожить ее личное счастье – получил отлуп. Дверь перед его носом захлопнулась, а он снова позвонил, и так три раза. Провода обрезала у звонка – отвалил. Ненадолго.

Пока муж на другой день устраивал звонок, винторогий козел сочинял монолог перед дверью для того, чтоб Кнутикова вновь сделала ошибку в своей жизни и впустила беду к себе через порог.

– Что это вдруг с проводами случилось?! – спрашивал жену Миша, ее законный супруг. Я и не замечал, что неисправность имеется.

– Не все вечное, старый звонок испортился. Но ты же у меня мастер, все наладить можешь! – Кнутикова расцветала перед супругом, целуя его в висок. Так ей нравилось чувствовать себя защищенной, как за каменной стеной за плечами законного супруга. Надежность – важное качество настоящего мужчины.

Винторогий же козел только репетировал свое мужское внутреннее достоинство, подсматривал, подглядывал везде, где смог протиснуть свою морду, откусывал от чужого пирога и смачно наслаждался успехом познания.

– Да, не беда, сейчас все будет в норме! Вот, пожалуйста! – нажал Миша на звонок, – и жена, хлопая в ладоши, принимала его работу. У Миши легко получалось вызвать чувство благодарности и восхищения жены. Кнутикова нарадоваться не могла на своего избранника.

Миша был необычайно горд своему успеху, зарделся от поцелуя любимой. Его душа стремилась к этой милой женщине, так искренне проявлявшей свое восхищение его талантами. Он радовался всему, что приготовила для него супруга: вкусному ужину, дочке—красавице, – сразу видно было его породу, —веселая, задиристая и без комплексов, и внешние данные все друзья и родственники сразу же отмечали:

– Жена—то как тебя любит, – дочку прямо как срисовала с тебя, папаша! – ну как от таких слов не проявить еще раз свою любовь к супруге?! Как не отблагодарить своей преданностью!

Кнутикова устала страдать от своего бывшего ухажера и приняла подарок судьбы, задумав свое личное счастье рядом с домом. И надо было явиться пред очи винторогому козлу, напоганить в душе и пустить в оборот ее счастье, как разменную монету… Рога бы пообломать таким уродам. Их популяция растет. Общество недооценивает возможности суда в таких делах, когда женщина не может справиться и некому ей помочь убрать из ее жизни поганца, отравившего ее счастье.

Ведь с таким трудом пережила Кнутикова отказ Финтокрутова жениться на ней, когда приперли к стене родственники:

– Это что за похождения, разве так бросают псу под хвост свою судьбу?! Любит если – пусть женится, а так ездить к нему, как приблудная кошка, которую барин зовет погладить, а потом, жрать попросит – выбрасывает на улицу, – позорно!

Одумалась. Поставила вопрос ребром. Получила по загривку:

– Да кто ты такая, чтоб на тебе жениться?!

Отплакала в стену и в бабушкину грудь горе свое молодое. Но явился. А бабушка слегла после тех переживаний. И ее смерть фактически достояние винторогого козла, уничтожившего надежду на личное счастье внучки. Бабушка всю свою одинокую жизнь положила на воспитание внучки: водила ее в музыкальную школу на занятия, учила понимать людей и строить правильно свою жизнь. Всегда радовалась ее успехам девочки и растила ее успехи, копила копеечку к копеечке, рублик к рублику, чтобы ее ненаглядная внученька смогла быть счастлива, – мирное время дано для счастья, а не для тасования нелепых карт судьбы. А этому жлобу что? Явился чресла свои преподобные успокоить, плюхнулся в мужнино кресло, надел его тапочки, облапал его жену своими щупальцами.

Трижды захлопывала Кнутикова дверь перед носом своего бывшего ухажера, так обломившего ее, словно майскую цветущую ветку, и снова своим лютым холодом пробирающегося к ее горячему очагу любви и счастья.

На четвертый раз его прихода к двери Кнутиковой получилось нежданное чудо, – повезло наглецу. Мама Кнутиковой пришла в гости и заодно помочь справиться с делами. Уж так много

дел у молодых мамочек, но хлопоты о ребенке приятны, а силы не безграничны. Мама не знала, что винторогий козел явился по собственной инициативе, и его надо прогнать, он же испортит всю жизнь. Так и случилось в результате, но ведь надо же было выслушать его лживые речи, оказывается, надо же было обманом втереться в доверие и уничтожить всё сделанное за короткое время молодости. – Бедная мама своим открыванием двери открыла вены мои перед несчастьем! – плакала Кнутикова по телефону подруге.

Опять обманул, опять пустил по кругу ее переживания и обсуждал их с мамочкой своей или с кем он так прытко навострился переворачивать ее судьбу, как старый клоповный диван…

– Навешал на уши обещаний и ничего не исполнил, ничегошеньки! – захлебывалась горькими слезами Кнутикова, желая найти поддержку у своей подруги Оли. – Он и помогать обещал всем, чем сможет, но не помог ничем, обострил и развил только аллергию у дочки, так что к году девочка не могла без слез разогнуть ножки, – под коленками багровели болячки от расчесывания кожи.

Сильная аллергия проявлялась агрессивно, и с раннего утра дочка кричала от боли: урод винторогий посадил ее на свои грязные брюки в парке, когда они гуляли, и после этого кожа ребенка покрылась волдырями и запеклась кровавыми болячками. А поутру, когда надо было вставать, болячки лопались и вытекала кровь. Вот за эту кровь невинного ребенка Кнутикова готова была рожу разбить поганую Финтокрутову, но не разбила, – не до того было. Лечила дочку всеми средствами, мазала мазями. Однажды ей помогла ее школьная подруга Юля, она к тому времени окончила Нижегородское фармучилище и продолжила обучение в Ленинградском институте фармакологии.

– Гони прочь это дерьмо! – четко сказала Юля. – Он еще и не такие беды принесет, если не прогонишь.

Юля изготовила сложную мазь для дочки Кнутиковой, и эта мазь спасла ребенка.

Но как было прогнать? Финтокрутов угрожать начал, что наделают ее ребенку прививок таких, что иссохнет девочка. Кнутикова терпела приезды «помощника», он обещал ей и лучшую квартиру выменять помочь, в верхней части города.

– Ну что ты здесь пропадать будешь в этом районе, в захолустье? Тебе надо наверху жить, и я чаще смогу приходить к тебе, – писклявил ненавистный фарт Финтокрутов и плавно касался губами руки Кнутиковой, ведя поцелуи всё выше, к плечу, переворачивая понятия совести вместе с раскладыванием дивана.

Бедная женщина не знала, куда глаза девать, когда возвращался муж с работы, ведь так у них с Мишей всё хорошо складывалось до появления на горизонте Финтокрутова, счастье было семейное. А теперь она предательница, и винит себя во всем, переживает. Но козел винторогий обещал с квартирой помочь, переедет она с Мишей и дочкой в хороший просторный дом, Финтокрутов даже интересовался, какой этаж предпочитает его жертва, – издевался, гад. Но всё это были уловки лжеца. По сути Кнутикова была его жертвой. Под его нажимом изменяла мужу с ним, кормила его, тратя деньги мужа, которые Миша давал для нее и ребенка. О прививках он напоминал еженедельно, говорил, что если он не будет к ней приходить и осведомляться о том, какое лекарство в детском саду и поликлинике вкалывают опекаемой им девочке, то ей вколят не правильное лекарство. И приводил пример из жизни, показал Кнутиковой своих знакомых, – престарелую женщину с дочерью— инвалидом на коляске. Говорил, что это от прививок вредных ее дочь сидит в инвалидной коляске. Обманутая женщина привечала Финтокрутова в надежде получить заветную квартиру в другом, более благоприятном районе города, где случилась вся эта история. Только через много лет узнала Кнутикова правду, поговорив с этой женщиной, у которой была так больна дочь. Оказалось, что это было врожденное заболевание, и никаких прививок той больной девушке не делали совсем. Как страшна оказалась ложь ее

ухажера! Кнутикова места себе не находила: как быть? Признаться во всем супругу – значит, уничтожить свой брак. И всё, что говорил и обещал Финтокрутов, растаяло, как дым. Да еще беда: соседи начали задавать вопросы о Финтокрутове. И выплеталось кружево лжи, и всё далее вкручивал Финтокрутов свою подругу в дела его карьеры. Обманывать людей, опутывать их сетями коварства становилось основой жизнедеятельности активного борца за неприкрытую ложь, хотя борцом назвать его язык не повернулся бы ни у кого.

Миша догадывался обо всем, но только не о том, что его жена в опасности. Финтокрутов ради карьеры готов был на всё. У Кнутиковой брат ее отца развивался в той же структуре, что и он, и голос надежного родственника и его коллег были так манящи для хлюста, уже ухлестывающего не только за Кнутиковой, но и еще за несколькими дамами. Любовь у него была вроде развлечения, ради спортивного интереса.

Как же слепы женщины бывают, отдаваясь чувству и думая, что это ненадолго, будто черновик жизни, а далее будет белая страница, – нет! Всё пишется на чистовик сразу и самыми заметными чернилами.

Но тут случилась в государстве война. Финтокрутов как всегда отмазался, как от картошки в студенчестве. Пылкий любовник сразу же охладевал в нём, как только он был допущен к сокровищнице. Любовь в понимании людей не была двигателем спорта, а была сокровенным и святым, поэтому посыпались шишки со всех сторон на кого бы вы думали? На Кнутикову. И от мужа скандалы с побоями, и от соседей взгляды с упреком, и родители мужа начали подзуживать так, что, мол, бери полотенце и перекручивай свою шею, – посоветовала свекровь. В это сложнейшее время Кнутикова спасалась встречами с друзьями и подругами, но эти встречи лишь оттягивали расплату от ее дочери. Узлы сплетен ужами вились вокруг ног, и добродушные соседи выкладывали друг другу всё, кто что узнает о проблеме. А позже, в момент кульминации, выражали сочувствие дочери Кнутиковой, да в такой форме, что возвращаясь домой, подросшая дочь набрасывалась на мать с упреками и даже драками.

Винторогий козел в это время преспокойненько сидя на природе, помахивал носком ноги, закинутой на другую его ногу в ощущении беззаботности и даже мелкого позорного счастья. Для него не существовало проблем, и он не знал и не желал знать ничего ни о Кнутиковой, ни о ее дочери, ни о каких проблемах. Он просто выключил, как чайник из розетки, свою бывшую жертву, ловко окрутил вокруг пальца бедную женщину. Финтокрутов не мог стерпеть того, что Кнутикова вышла замуж и дала ему отставку, да еще и оказалась счастливой к моменту его осведомленности в ее жизни через соседей. И не только через соседей. Нашлись охотники за развалом чужого счастья, они ловко и охотно помогли Финтокрутову. Самой отважной помощницей подлеца стала … подруга Оля, которой Кнутикова рассказывала всё о своей жизни, делилась и горем и радостью, и подарками любимого супруга, а Ольга советы давала против единого пространства с мужем, выковыривала из Кнутиковоц все подробности и плела интриги, – развлекалась и пользовалась простотой подруги. А когда Миша узнал от Ольги об измене – предала во второй раз Кнутикову: явилась к ее мужу на работу и поведала ему историю падения Кнутиковой в ее глазах и надежно уронила подругу в глазах ее мужа еще раз, – так наверняка он переключит свое внимание на нее. Миша был ошарашен. Значит, догадки оказались не случайны, значит, не мерещился ему от жены запах чужого мужика, тошнотворный, запоминающийся. Стал Михаил пить, а подруга жены Оля активно ему помогала в растрачивании заработанных денег. Оля мстила подруге за то, о чем Кнутикова не знала.

Однажды, когда они вместе учились после школы в техникуме, Кнутикова позвала Олю в гости к ее родственнице, живущей в большом городе, гораздо б*о*льшим, чем их родной город. Поехали подруги вместе и поселились у родственников Кнутиковой. Дело было в каникулы, и девушки ездили в центральный парк на прогулки. Однажды возвращаясь в дом родственников после прогулки, Оля заметила двух парней и решила подгулять с ними, а подруга не хотела. Резкий отказ Кнутиковой познакомиться с парнями возмутил Ольгу, и она пошла на хитрость.

Оля видела, что парни стали спускаться по лестнице за ними в метро, и решила отбиться от подруги. Кнутикова шагнула на эскалатор в метро, и стала подниматься кверху, чтобы пересесть на электричку. Она и не подразумевала, что Оля может вот так отбиться и пойти с незнакомыми парнями гулять по огромному городу. Когда Кнутикова обернулась, чтобы успокоить подругу, что она еще познакомится с хорошим парнем, но в их городе, Оли не оказалось рядом. Кругом обступал народ, и невозможно было протиснуться, надо было четко идти вперед, а то затопчут. Кнутикова беспомощно покрутила головой, продвигаясь к электричке, движимая инстинктом самосохранения в толпе, двинувшей к открытым дверям.

Оля же начала знакомиться с парнями, они вышли на улицу и завязался разговор.

– Вы откуда приехали?

– Я с Карпат, – соврала Оля, потому что Кнутикова еще дома рассказывала ей, что переписывается с подругой детства, которая живет в Карпатах с семьей, у нее папа военный.

– А мы местные! – тоже соврали парни. – Пойдем в кафе!

В тесноте кафе звучала музыка, наливали кофе с ликером, и Оля быстро захмелела. Сама не поняла, как она очутилась в объятьях одного из парней, и ей страстно захотелось пойти на поводу у страсти. Она чувствовала себя самкой, собакой, бегущей по следам на зимнем снегу. В квартире, куда она приехала с парнями, не было уютно, но хотелось оказаться на плоскости. Парни еще поддали горячительного, и что было дальше, Оля вспоминала в показаниях перед следователем в полиции. Парни изнасиловали ее и скрылись, а девушка очнулась на скамейке в скверике, и не помнила даже дома, в котором была вместе с этими негодяями. Плакала, клялась, что не хотела бросать Кнутикову, чтобы та волновалась за нее всю ночь. Оля появилась в квартире родственников Кнутиковой только к вечеру следующего дня. Всю ночь Ольгу усердно искала полиция, беспокоилась подруга и ее родственники подняли на ноги полицию всех районов города. Несколько раз Кнутикова повторяла полицейским всё, что помнит об Оле, ее голос, походку. Не было совместной фотографии, но оказалась кофта, сильно пахнущая потом Ольги. Эту кофту дали понюхать служебной собаке.

Полицейские с собакой нашли девушку днем в скверике на окраине города, пьяную до умопомрачения и очень неопрятно одетую. Денег при себе у Оли не оказалось, хотя когда они с Кнутиковой собирались гулять в парк, почти все деньги она взяла с собой, потому что после парка они хотели пойти в магазин одежды покупать наряды.

Это было начало беды, приключившейся с Олей, и за что она мстила теперь Кнутиковой. Через месяц выяснилось, что Ольга беременна, и разбирательства с матерью Ольги пришлись на долю родителей Кнутиковой.

Вот так: не знаешь, где соломки подстелить, чтобы мягче было падать! Эра абсурда закручивает пути людей, свивая их и перехлестывая, как заблагорассудится.

Северный деловитый океан

Я сильно пожалела о том, что подошла и раскрыла рот в миг, когда произнесла первую фразу. Это оказался не тот человек и не с теми намерениями, которые были необходимы мне, чтобы ощущать комфорт общения. Когда он заговорил, передо мной будто провалился пол, и отворилась преисподняя. С каждым произнесенным им словом уплывали надежды и приходило страшное разочарование и отчаяние. Это был сам демон во власти своего упоения силой и властью. Видала я начальников, но этот не шел ни в какие рамки самых суперавангардных картин, так что смыслы и символы выходили на поверхность самой рамы и утекали в бесконечность. Это само совершенство отрицания и отнимания. Это челюсти в готовности к схватке.

«Бешенством что ли в детстве переболел после укуса собакой?», – подумала я. И в мыслях ответила на свой вопрос: «Надо было забыть о мысли говорить с ним».

Увесистая челюсть клацала о воздух, разбивая его на осколки. После первых звуков из его пасти расхотелось говорить, жить, спать, ощущать воздух, небо и землю. Мрак преисподней губил цветы в горшках на подоконниках. Зашатался пол, и рухнула душа в пятки. Где—то рядом тонко дрожало стекло в готовности обрушиться нам на головы. Ему—то что…, а мне… Я и так ранена его ледовитостью. Я так и назвала его про себя: Северный деловитый океан.

Полёт

Мы летели вместе по бескрайнему небу в страну восторга. Крылья синхронно двигались, обнимая всё пространство мира: воздух, бесконечный океан, солнце, медленно движущееся к земле и дарящее краски неизбывного счастья.

Мне казалось, что мы стали едины, оттого что ветер, несший нас в одну сторону, имел кольцевую траекторию: продувая мои легкие, выходил из твоих – и обратно.

Разве не может быть тебя?

Разве это просто я?

Или ты, как мысль о тебе, выпал из меня бусиной при падении?

Однажды я так сильно упала, покидая высокую ванну, что летя на кафель пола, эти несколько секунд, я внутренне собралась получить сильный удар и даже переломы костей, но почувствовав холод кафеля и запах пола, сразу резко встала, и оказалось, что на мне нет ни единой ссадины. Это ты уберег меня, но умер сам изнутри от удара.

Как к Вам подойти? – услышала я на фестивале.

Люди, как в стекло бьются, но не могут ко мне подойти.

Мы летим высоко над океаном, и ветер помогает нашим раскрытым крыльям.

Как мы будем жить с таким разным градусом внутреннего накала? Нас гармонизируют воздух, ветер, вода и земля, – четыре стихии. Но вне контекста стихий мы – гремучая смесь огня и лавы. А когда шар нашего единения уже не воздухоплавательный путь, и единство шара катится вниз по горе, то каждый из нас ждет крыльев, которые внезапно раскроются, с парашютным надежным балансом.

В одном пекле

Пророк Идрис был богом всех портных в исламской культуре.

Моя прабабушка была знаменитая швея. Она шила платья, была всегда востребована в своем искусстве. Ее муж Александр Андреевич Шепелев умер до Великой Отечественной войны. Детей у них было шестеро, и шитье стало единственной возможностью получить пищу. Прабабушку звали Евдокия Николаевна, она была дочерью Веры и ее мужа Петра Андреевича Аликина, от Веры и Петра родились семеро детей, трое из которых умерли маленькими. У Евдокии и Александра выжили четверо: моя бабушка Анна и две ее сестры Мария и Таисья, а сын Николай маленьким выжил, но погиб во время войны.

Моя бабушка Анна Александровна, младшая из сестер, победила своей самоотверженностью, в тяжелые военные годы вырастила дочь без мужа и работала администратором операционных процессов электронно—вычислительной машины в 60—е годы. Мама родилась в Горьком, во время эвакуации, и вся большая семья навсегда осталась в городе Горьком. Бабушке моей при эвакуации пришлось особенно трудно, потому что ехала она в город будучи на седьмом месяце беременности. В машине ее растрясло, дорога была неровной, а после прыжка с машины, когда приехали, у бабушки начались схватки и срочные роды. С грудничком семье срочно дали барак. Тогда, в марте 1941 года, люди были рады просто крыше над головой.

День рождения моей мамы приходится на 24 марта 1941 года. Перед войной питание было не ахти какое, вымирали целыми деревнями, оттого и уезжали, кто мог, в город. Судьба не переборщила своим благоволением, но все же оставила семимесячной Дине жизнь. Ухаживали за ребенком все по очереди, трудовые будни сменялись радостной заботой о малышке. Дети, рожденные в голодные годы, в тяжелое предвоенное и военное время, не все выживали, смертность была высокой, а многие из выживших военных детей начинали ходить ножками только к трем годам из—за слабости в теле. К таким детям относилась и моя мама. Молоко у голодной матери тоже голодное было, не приносило насыщения младенцу, и он плакал день и ночь. Молодые матери старались устроиться на работу, чтобы прокормиться самим и дать выжить ребенку. Младенцев кормили в такое трудное время хлебом, смоченным водой, этот хлеб заворачивали в марлю, и грудничок сосал влажный хлебушек весь день в сырых пеленках, когда все взрослые были на работе. Выживет ребенок или нет – как судьба решит. Молились и работали, а приходя домой, находили марлю пустой, – весь хлеб уже был употреблен. Крепкие челюсти голодных новорожденных цепко держались за крошку жизни.

Образование в то время не отличалось энциклопедическим подбором учителей, дети учились не столько предметам, сколько выживанию. Из всех ярких воспоминаний детства маме четко врезался в память голод. В отроческом возрасте ее рекомендовали в балетную студию для усиления активности и лучшего физического развития, ведь ходить она стала только к трем годам, как многие в те годы выжившие военные дети, – голодных малышей мотало от слабости. Мама танцевала, но балет не стал основным делом ее жизни. Дядя Ваня, муж тети Марии, устроил маму работать на автозавод кладовщицей, – выдавать инструменты рабочим, – он сам после войны на ГАЗе работал мастером до пенсии. И всю свою жизнь мама проработала на заводе—гиганте, повышая свой интеллектуальный уровень, насколько могла: окончила автомеханический техникум, и когда я родилась, мама уже работала технологом на ГАЗе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.